

А.К. Теохаров

ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Александр Константинович Теохаров – доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений, Омская академия МВД России, кандидат юридических наук, г. Омск; e-mail: teo_oma@mail.ru.

В статье проанализированы вопросы, связанные с латентной преступностью как криминологическим явлением. Приведены существующие в отечественной и зарубежной литературе определения понятия «латентная преступность», осуществлен их критический анализ. В результате дано авторское определение исследуемого понятия. Показана специфика соотношения между латентностью и общественной опасностью преступлений. Обращено внимание на необходимость использования современных методов выявления преступлений, обеспечивающих более объективную оценку их латентности.

Ключевые слова: латентная преступность; скрытая преступность; регистрация преступлений; сокрытие преступлений; фактическая преступность; статистика преступности.

А.К. Teokharov

CONCEPT OF NATURE OF LATENT CRIME

Aleksandr Teokharov – Associate Professor, the Department of Criminology and Crime Prevention, Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D., Omsk; e-mail: teo_oma@mail.ru.

The article analyses latent crime as a criminological phenomenon. It provides relevant concepts available in foreign and domestic literature with a critical analysis thereof being conducted and the author's own definition of this concept being introduced. A certain specific is noted with regard to correlation between latency and public danger of crimes. Particular attention is paid to the need for applying contemporary methods of crime detection which would enable more objective assessment of their latency.

Keywords: latent crime; hidden crime; registration of crimes; cover up crimes; actual crime; crime statistics.

Актуальность изучения латентной преступности заключается в том, что, не располагая точными и бесспорными данными о ее распространенности, тенденциях и структуре в рамках территориальных и временных границ, невозможно представить всей остроты проблемы преступности. Латентная преступность не только искажает объективную картину фактической преступности, но и порождает множество других отрицательных последствий, в частности в области экономики, политики, социально-психологической жизни общества. Без учета сведений о латентной преступности нельзя правильно определить стратегию и тактику борьбы с

преступностью в целом, включая законодательную и правоприменительную деятельность, повышать ее действенность, а также эффективность тех или иных уголовно-правовых норм.

Латентная преступность отрицательно сказывается на уровне правосознания граждан, в том числе сотрудников правоохранительных органов. У первых под влиянием фактов безнаказанности за латентные преступления формируется, например, нигилистическое отношение к закону, правоприменительной деятельности, порождается неверие в возможность искоренения преступности. У сотрудников правоохранительных органов правовой ни-

гилизм может быть выражен в пренебрежении требованиями закона, связанными с различными нарушениями законности и правопорядка (злоупотреблении служебным положением, взяточничестве, укрывании преступлений от учета и т.п.).

В связи с вышеизложенным представляется необходимым провести анализ научных точек зрения относительно понятия латентной преступности, определить ее свойства и на этой основе сформулировать авторское определение данного понятия.

Фактическая преступность всегда складывается из двух переменных: 1) известной, то есть выявленной и зарегистрированной; 2) неизвестной, то есть латентной. Известная преступность – это выявленные и официально зарегистрированные первичными документами уголовной статистики преступления и лица, их совершившие. Сведения о преступлениях и лицах, их совершивших, содержатся в статистических карточках ф. № 1 и № 2, на основе которых строится отчетность в определенных временных и территориальных границах. Часто данные уголовной статистики становятся единственным источником для оценки состояния, структуры и динамики преступности в том или ином регионе. Однако они не могут быть достоверными сведениями о фактической преступности, поскольку представляют только ту ее часть, относительно которой правоохранительные органы осуществляли свою деятельность.

Одной из объективных криминологических закономерностей, характерных для всех государств, а также и одним из важнейших свойств преступности, служит тот факт, что значительная часть ее остается официально не зарегистрированной. Эту неизвестную (от англ. dark number) часть преступности принято именовать латентной преступностью. В литературе для ее обозначения применяют различные термины: «латентная преступность», «латентные преступления», «скрытая преступность», «скрытые преступления», «темные (черные) цифры», «темное поле» и т.д. Чаще всего используют два термина: «латентная», «скрытая» преступность или «латентные», «скрытые» преступления.

Термин «латентный» происходит от латинского *latens*, что означает «скрытый, невидимый» [17, с. 279]. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова слово «скрытый» толкуется как не обнаруживаемый явно, скрываемый, тайный, внешне незаметный или еще не проявившийся [18]. Его синонимы – тайный, затаенный, внутренний, подспудный, замаскированный, завуалированный, сокрытый [7]. В определенной мере термины «латентный» и «скрытый» тождественны. Представляется, что целесообразнее использовать термины «латентная преступность», «латентные преступления», так как в криминологической литературе последних лет им отдано предпочтение. Они в большей степени отвечают требованиям науки и практики, поскольку их трактуют как невыявленные и незарегистрированные преступления.

Проблема латентной преступности представляет классический образец (предмет) дискуссии в области криминологии и уголовной политики. Значительная часть криминологических исследований посвящена попыткам разрешить теоретические и практические трудности, с ней связанные. Однако большинство исследований не столько рассеивали туман неизвестности, сколько сгущали его.

Проблема латентной преступности в зарубежных странах давно интересовала ученых и практиков. Вопросы, связанные с соотношением официально зарегистрированных преступлений и реальной (фактической) преступности, раскрыты в трудах зарубежных криминологов XIX в. А. Кетле [10], Э. Ферри [19], Р. Майо-Смита [12] и др. Уже в указанный период было известно, что не обо всех совершенных преступлениях узнают и не обо всех выявленных преступлениях сообщают в полицию, что не всех преступников осуждают и наказывают, а уголовная статистика отражает лишь часть в действительности существующих размеров преступности во времени и пространстве. В трудах зарубежных криминологов речь идет о том, что фактическая преступность больше обнаруженной, а последняя, в свою очередь, больше зарегистрированной [10, с. 100].

При этом считали, что соотношение между ними устойчиво и постоянно, были приняты попытки определить эти соотношения в цифрах.

В трудах многих зарубежных авторов говорится о том, что «темное поле» неизвестной и незарегистрированной преступности поддается лишь очень шаткой оценке. В этой связи уровень достоверных данных о ней остается неудовлетворительным [9, с. 176]. Предположение зарубежных криминологов о постоянном соотношении между выявленной и невыявленной преступностью позволяло долгое время пренебрегать «темной цифрой» преступности и ограничиваться лишь данными о зарегистрированной преступности как о репрезентативной выборке. Однако в конце Второй мировой войны многие криминологи усомнились в законе постоянных соотношений. В 50–60-х гг. XX в. проведено большое количество криминологических исследований об установлении объема и структуры латентной преступности с применением математической статистики, методов опроса населения, преступников, жертв преступлений, работников полиции и других правоохранительных органов [20, с. 124]. Полученные в ходе таких исследований данные позволили определить количественные соотношения между зарегистрированными и латентными преступлениями отдельных видов.

На V конгрессе ООН (Женева, 1975 г.) рассматривали проблему предупреждения преступности и обращения с правонарушителями. В одном из основных докладов конгресса, в частности, указано, что в ряде стран высказано предположение о том, что преступления, о которых поступают сведения в уголовную статистику, возможно, составляют не более 10–15 % от общего объема преступности.

Стоит отметить, что большинство проведенных зарубежных исследований не анализировали проблему латентной преступности комплексно. Как правило, они охватывали какую-то ее часть (о несовершеннолетних, осужденных, отбывавших наказание и т.д.). Выводы, вытекающие из выборочных исследований, в отношении упомянутых категорий правонарушителей

соотносились путем расчета к населению отдельных регионов или по стране в целом. Более того, в ряде исследований не проведена четкая грань между преступным и «отклоняющимся» (делинквентным) поведением. Подобная методологическая ошибка дает право усомниться в достоверности количественных данных, представленных такими исследованиями, а также в ценности выводов, из них вытекающих.

В частности, по мнению директора института криминологии Кембриджского университета Л. Радзиновича, в Англии в данные официальной уголовной статистики включены сведения лишь о 15 % карманных краж [21, р. 29]. Более поздние исследования также подтвердили, что доля регистрируемых правонарушений в их предполагаемом общем числе очень мала. В отчете о состоянии преступности в Великобритании за 2010 г. приведены такие данные: акты вандализма составляют 8% от общего числа фактически совершенных, кражи – 8%, ограбления – 11%, нанесения тяжких телесных повреждений – 23%, половые преступления – 28%, кражи со взломом – 33%. В среднем одно из 40 жилищ (чаще всего в бедных городских районах) ежегодно подвергалось краже со взломом.

В советской криминологии отдельные аспекты проблемы латентной преступности стали изучать в середине 60-х и активнее в 70-х гг. прошлого столетия. Комплексное исследование ввиду методологических и организационных трудностей до сих пор еще не предпринималось. Некоторые вопросы латентной преступности рассматривали А.М. Алексеев [1], Ю.Д. Блужштейн [3], В.В. Вандышев [6], Г.И. Забрянский [8], А.А. Конев [11] и др.

Большинство советских криминологов понимали под латентной преступностью совокупность преступлений, оставшихся не выявленными органами внутренних дел, прокуратурой и судом. В основе этого определения – признак не «учтенности», а «известности» правоохранительным органам о совершении таких преступлений. По их мнению, известная, но неучтенная преступность латентной не является. Особенно ярко эта мысль прослеживается в работах Г.И. Забрянского, А.А. Конева, А.С.

Шляпочникова и ряда других авторов. В частности, А.А. Конев определял латентную преступность как «совокупность преступлений, обнаруженных с помощью целенаправленных оперативных и иных действий компетентных правоохранительных органов, хотя информация о них по каким-либо причинам и не поступила в эти органы от обладающих ею граждан, учреждений и предприятий, а также те преступные деяния, которые не стали известными» [11, с. 22]. В другой его работе утверждается, что «латентная преступность – это вся та совокупность преступлений, которая по тем или иным причинам не попала в поле зрения правоохранительных органов» [5, с. 34].

По мнению А.С. Шляпочникова и Г.И. Забрянского, «латентными следует считать преступления, скрытые от одного из органов, которым по закону предоставлено право расследовать или рассматривать дела о совершенных преступлениях» [8, с. 99]. К таким органам они относили суд, прокуратуру, органы внутренних дел. Ученые не включали в число латентных три группы преступлений, не регистрируемых уголовной статистикой:

1) некоторые преступления, дела о которых рассматривают в судах и в комиссиях по делам несовершеннолетних;

2) преступления, ставшие известными в результате заявлений соответствующим органам власти, но по тем или иным мотивам скрытые работниками этих органов от учета;

3) преступления, которые в ряде случаев не подвергаются регистрации из-за недостатков в действующей системе первичного учета (несмотря на то, что они не только известны, но и лица, их совершившие, привлечены к уголовной ответственности).

Представляется, что указанная группа авторов необоснованно отрывала от латентной преступности известные, но неучтенные преступления только потому, что методы их познания и выявления различны. Если выявление не известных для органов внутренних дел (а равно суда и прокуратуры) преступлений строится на косвенных методах изучения причиняемых последствий, то неучтенные извест-

ные преступления устанавливаются при помощи анализа деятельности этих органов на основе изучения документов. Однако попытка искать различия между известной и латентной преступностью по признаку «известности» или по кругу субъектов деятельности по борьбе с преступностью мало что проясняет в природе скрытой преступности. Субъектами деятельности по борьбе с преступностью, помимо указанных упомянутыми авторами, с полным основанием можно считать органы юстиции и иные общественные формирования.

Вторая группа авторов понимала под латентной преступностью совокупность фактически совершенных преступлений, которая не отражена и (не зарегистрирована) в уголовной статистике [1, с. 31]. В отличие от первой группы авторов, они при определении понятия латентной преступности обращали внимание не на признаки «скрытности» или «известности», а на «незарегистрированность» преступлений в первичных документах уголовной статистики. Преступление может быть выявленным и известным. Для системы уголовной юстиции, возможно, становится очевидным его совершение, известно лицо, совершившее преступление, но ввиду различных причин эти сведения нередко оказываются незарегистрированными. В итоге они не попадают в совокупность известных и зарегистрированных, а остаются в числе латентных.

Латентная преступность образуется в условиях места и времени за счет разницы между фактически совершенными и зарегистрированными преступлениями (генетическое значение). Ее можно представить так: $ЛП = ФП - ЗП$, где ЛП – латентная преступность, ФП – фактическая преступность, ЗП – зарегистрированная преступность. В указанном уравнении два значения (ЛП и ФП) всегда неизвестны. Поэтому фактическая преступность может быть выведена применительно к определенным регионам путем эмпирического определения размеров латентной преступности.

К числу латентных, кроме неизвестных (сообщения о совершении которых в

правоохранительные органы не поступили), с полным основанием следует отнести и известные преступления, которые ввиду различных причин оказались незарегистрированными в первичных документах учета уголовной статистики. В основе дефиниции латентной преступности не может находиться признак «известности», так как общественная опасность деяния не изменяется в зависимости от его известности или неизвестности. Преступные последствия наступают как в первом, так и во втором случаях. Важно учитывать то обстоятельство, что преступные последствия в случае известной преступности учтены при определении виновному наказания. В противном случае (неизвестности) эти последствия никем не выявлены, и лица, совершившие латентные преступления, остаются еще и безнаказанными, нередко продолжая преступную деятельность.

Латентная преступность может иметь семантический (этимологический), уголовно-правовой, криминологический, статистический, криминалистический (в том числе уголовно-процессуальный или оперативно-розыскной), виктимологический, информационный (управленческий), экономический и социально-психологический аспекты. Каждому из них присущи свои особенности, рассмотрение которых имеет не только теоретическое, но и прежде всего важное практическое значение. Многие из перечисленных аспектов латентной преступности, к сожалению, в литературе не освещены. Видимо, поэтому большинство авторов, в зависимости от узкой специализации, выделяют в понятии латентной преступности определенные аспекты. В частности, если проанализировать определение латентной преступности, предложенное А.С. Шляпочниковым и Г.И. Забрянским, то можно обратить внимание на смещение главного акцента в сторону криминалистического (процессуального) значения. Эта особенность наблюдается и в определении С.С. Босколова, понимающего латентную преступность как «совокупность не учтенных в уголовной статистике и не ставших предметом уголовного судопроизводства индивидуальных актов преступного поведения» [4, с. 38]. Если

исходить из последнего определения, то латентными нельзя признать преступления, ставшие известными правоохранительным органам, но вследствие несовершенства системы учета либо в случае множественности преступлений оказавшиеся незарегистрированными.

Разумеется, перечисленным аспектам присущи многие особенности. Их изучение позволяет более подробно и всесторонне анализировать природу латентной преступности, что, в свою очередь, помогает решать ряд сложных научных и практических задач. К ним, по-видимому, следует отнести выявление негативных последствий такой преступности для общества в целом, отдельных звеньев хозяйства, определенных территориальных единиц, коллективов. В эту категорию необходимо включить и разработку методов выявления латентных преступлений для определения в действительности уровня преступности и тенденций в ее структуре и динамике; анализ причин, способствующих наличию и существованию такой преступности; поиск путей совершенствования деятельности органов внутренних дел по борьбе с нею.

В большинстве стран учет отклоняющегося поведения осуществляется государственными органами. «Темная цифра» (величина латентности) неизбежно присутствует в статистике. Латентную преступность определяют вероятностным путем, на основании эмпирических данных, выявление латентной преступности даже научными методами относительно и носит приближенный характер. «Темная цифра» не возникает самопроизвольно: она является порождением различных обстоятельств, связанных с позицией жертв и произвольным учетом преступности правоохранительными органами.

Возникновение величины латентности обусловлено, во-первых, произвольным подходом к регистрации преступлений и других отклонений лицами, работающими в органах, осуществляющих статистический учет; во-вторых, тем, что не все девиации оказываются в поле зрения полиции и иных правоохранительных органов.

Официальная статистика (МВД, прокурорская, судебная) фиксирует широкий,

иногда трудно сопоставимый (в связи с использованием различных методик) круг данных, характеризующих состояние преступности в целом, ее отдельных видов, социально-демографические показатели и т.п. Все это позволяет произвести точную оценку состояния преступности, но не в целом, а лишь регистрируемой или «официальной». Доля же последней в общем объеме совершаемых преступлений, по оценкам ряда специалистов, не превышает в лучшем случае одной трети. Существуют достаточные основания утверждать, что данные официальной статистики в мире с каждым днем все меньше соответствуют картине действительного роста преступности.

Ю.П. Оноколов утверждает, что «зарегистрированная преступность “представительна” для всей совокупности. И в зарегистрированной преступности отражается целое как в капле воды. Но насколько можно доверять репрезентативности учтенной преступности? Ведь что и как регистрируется, зависит от активности населения, насколько оно с готовностью сообщает о произошедших деликтах в органы, которые регистрируют данные факты, от активности полиции, от государственной политики и характера преступлений» [14, с. 82].

Как свидетельствует официальная статистика, в Российской Федерации (РФ) с 2007 г. прослеживается устойчивая тенденция сокращения зарегистрированной преступности, уровня преступности в расчете на численность населения. По мнению исследователей, эта тенденция снижения числа учтенных преступлений связана прежде всего с декриминализацией части хищений, существенным снижением количества выявленных фактов краж и хулиганства, а также реальным сокращением особо опасных насильственных и корыстно-насильственных преступлений [2, с. 31]. Не возражая против этого вывода, тем не менее следует дополнить, что непредвзятый анализ данных этой же официальной статистики позволяет усомниться в ее репрезентативности.

Можно предположить, что трехкратное расхождение между числом заявлен-

ных и зарегистрированных преступлений, как и между числом заявлений и числом возбужденных уголовных дел, определяется в существенной части политикой регистрирующих органов, их отношением к регистрации преступлений. Это может свидетельствовать о высоком уровне искусственной латентности. Представляет интерес совпадение экспертных оценок уровня официальной преступности (до 30% от преступности в целом) и 30% уровня регистрируемых преступлений от числа заявлений. По оценкам разных исследователей, соотношение зарегистрированных и латентных преступлений составляет 1:3 [16, с. 327], 1:4 [13, с. 204].

Латентность преступности в целом определяется прежде всего высоколатентными преступлениями, к которым относятся, в частности, дача и получение взяток, умышленное причинение легкого вреда здоровью, истязания, торговля людьми, кража, мошенничество, вымогательство, легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, и др. В последние десять лет официальная статистика фиксирует существенное снижение доли насильственных, корыстно-насильственных преступлений в структуре преступности и увеличение доли преступлений против собственности, в частности краж (35,5% в 2022 г.). В целом этот процесс соответствует общемировой тенденции «гуманизации преступности» по мере социально-экономического развития. Можно, видимо, прогнозировать и дальнейшее изменение структуры преступности в данном направлении.

Увеличение в структуре преступности удельного веса корыстных преступлений, очевидно, будет расширять латентную часть преступности, поскольку именно корыстные преступления характеризуются, как известно, наивысшей латентностью. В качестве информации к размышлению обратим внимание и на то обстоятельство, что при устойчивом снижении численности населения страны и его старения, практически не изменилась доля криминально активного населения (от 15 до 49 лет) – 49,9% в 1959 г., 52% – в 2022 г. Важно учитывать, что общеуголовные преступления,

особенно совершенные в состоянии алкогольного опьянения и несовершеннолетними, выявляют более репрезентативно, чем планируемые и организованные. В частности, коррупционные преступления, по экспертным оценкам, учитывают не более чем на 2–5% [15, с. 132].

Как преобразовать систему регистрации и учета преступлений, повысить ее объективность и беспристрастность? Вопрос видится настолько глубокими многоплановым, что целостная его проработка требует комплексных дополнительных исследований с привлечением заинтересованных сторон. Сегодня ученые пользуются методами социальных наук. Наиболее распространенный из них – опрос преступников, потерпевших и информаторов.

Официальная статистика дополняется данными виктимологических опросов населения, в том числе анонимных репрезентативных опросов жителей о том, были ли они лично или члены их семьи жертвами преступлений в определенный период. Если респондент дает утвердительный ответ, устанавливают, какого рода преступление произошло. В США данные исследования служат важным источником информации о преступности. В России национальные виктимологические исследования не проводятся. Масштабы преступности измеряются методом самоотчета. Его цель – выявление информации о том, совершал ли опрошиваемый преступления в определенный период с помощью анонимного опроса. Данный метод не применяют в России.

Нередко используют метод экспертных оценок, то есть специалисты в той или иной области на основе профессиональных знаний оценивают предполагаемый уровень латентности изучаемого явления. Возможным становится уточнение уровня латентности в результате специальных экономических, бухгалтерских, технологических исследований.

Таким образом, в результате рассмотрения темы исследования представляется необходимым сделать следующие выводы.

1. Латентная преступность – это совокупность преступлений и лиц, их совершивших, которые в определенных услови-

ях места и времени оказались невыявленными или не зарегистрированными уголовной статистикой. О совершении латентных преступлений правоохранительным органам в одних случаях бывает неизвестно, то есть сигналы (сообщения) об их совершении к ним не поступают, в других – известно, однако поступающая информация по разным причинам оказывается незарегистрированной. Распространенность (размеры) латентной преступности в каждом случае устанавливаются эмпирически или путем специальных криминологических исследований.

2. Латентное девиантное поведение оказывает прямое и опосредованное воздействие на процессы и явления в обществе. Чтобы иметь возможность осуществлять эффективную политику социального контроля, необходимо иметь четкое представление о реальном положении девиантности, ее масштабах, структуре, динамике развития, возможности прогнозирования будущего состояния. Социологию, криминологию и смежные науки интересует вопрос о состоянии отклоняющегося поведения в действительности, в первую очередь делинквентного (преступного) поведения, и о возможности достоверного его измерения.

3. Изучение латентной преступности может быть проведено для решения иных криминологических задач, в частности для изучения состояния, структуры и динамики (тенденций) такой преступности; определения последствий (например, размера материального ущерба), причиненных обществу и гражданам от латентных преступлений; прогнозирования тенденций латентной преступности или ее отдельных структурных элементов. Не меньшее значение имеет и разработка методики выявления латентной преступности, причин ее существования (распространенности) и мер по снижению ее уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.М., Поша А.Н.* Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Юрид. лит., 1973. Вып. 19. С. 30–45.

2. *Алексеева А.П., Заблоцкая А.Г., Колбасина Е.Е.* Латентная преступность: понятие, причины, способы измерения и противодействия: учебное пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2008. 88 с.
3. *Блувштейн Ю.Д.* О некоторых возможностях измерения латентной преступности: проблемы криминологии // Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности: материалы Всесоюзной науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Проблемы криминологии/ под общ. ред. А.Б. Рандаквичюса. М., 1973. С. 309–321.
4. *Босхолов С.С.* Латентные преступления против личности: общая характеристика и методы выявления. Мн.: МВШ МВД СССР, 1984. 52 с.
5. *Бышевский Ю.В., Конев А.А.* Латентная преступность и правосознание: учеб. пособие. Омск: Изд-во Омской ВШМ МВД СССР, 1986. 76 с.
6. *Вандышев В.В.* Влияние виктимологических факторов на состояние латентной преступности // Вопросы профилактики преступлений: сб. ст. / отв. ред. К.В. Мазняк. Л.: Высш. полит. уч-ще МВД СССР, 1977. С. 29–39.
7. Латентный // *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/л/латентный> (дата обращения: 07.09.2023).
8. *Забрянский Г.И., Шляпочников А.С.* Выявление латентной преступности // Советское государство и право. 1971. № 5. С. 98–103.
9. *Кайзер Г.* Криминология. Введение в основы: пер. с нем. М.: Юрид. лит., 1979. 319 с.
10. *Кетле А.* Социальная система и законы ею управляющие / пер. с фр. М.: РГБ, 2009. 315 с.
11. *Конев А.А.* О понятии латентной преступности // Роль аппаратов уголовного розыска и следствия в борьбе с преступностью. Труды Омской ВШМ. Омск: Изд-во Омской ВШМ МВД СССР, 1976. Вып. 21. С. 22–33.
12. *Майо-Смит Р.* Статистика и социология / пер. с англ. М. Энгельгардта. М.: С. Скирмунт, 1900. 407 с.
13. *Медведев С.С., Яшкина З.И.* Криминологическая характеристика естественной латентной преступности // Эпомен. 2019. № 27. С. 202–208.
14. *Оноколов Ю.П.* Понятие латентности и латентной преступности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 81–84.
15. *Пудаков Е.Р.* Некоторые аспекты латентности коррупционных преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 1 (42). С. 131–134.
16. *Савюк Л.К.* Правовая статистика: учебник. М.: Юристь, 1999. 588 с.
17. Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е.С. Зенович. М.: Астрель, 2008. 778 с.
18. Скрытый // Толковый словарь Д.Н. Ушакова онлайн. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word> (дата обращения: 07.09.2023).
19. *Ферри Э.* Уголовная социология / пер. с фр. М.: В.М. Саблин, 1908. 624 с.
20. *Фокс В.* Введение в криминологию: пер. с англ. М.: Прогресс, 1980. 312 с.
21. *Radzinowicz L.* Ideology and crime. London: Heinemann educational books, 1966. 152 p.